

КАК ПОБЕДИТЬ «ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО» И МОЖНО ЛИ ЕГО ПОБЕДИТЬ?

АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО | ДЕКАБРЬ 2014

Что делать, чтобы победить «Исламское государство» (ИГ)? Можно ли его вообще победить и тем более добиться того, чтобы подобное не повторялось?

Разобраться в этом пытается каждый аналитик, будь то профессионал в данной тематике или любитель, причем последних — большинство. Подобного рода изыски мы наблюдали на рубеже 70-х и 80-х годов прошлого века после исламской революции в Иране. Лейтмотивом тогдашних анализов было то, что эта революция — некая девиация, временное отклонение от «нормального» развития, что она пройдет, как болезнь, и все возвратится на круги своя. Начиная с 1990-х и по сей день не умирает вера в окончательную победу над талибами и ХАМАСом. Конец «политического ислама», который зачастую является синонимом исламизма, предрекался неоднократно. Тем временем исламизм набирает силу. Исламисты стремятся к власти и в некоторых странах ее добиваются. Они освоили новые (африканские) территории. Исламисты заседают в парламентах большинства мусульманских государств, где составляют главную оппозицию правящим режимам. Они выводят на демонстрации десятки и сотни тысяч приверженцев. Их поддерживают миллионы мусульман.

Чего исламисты хотят? Они хотят, чтобы было больше ислама — в государстве, экономике, семье и в обществе, растерявшем на протяжении истории религиозную идентичность. В разных странах у исламистов разные программы, свои пути и способы реализации целей. Одни говорят, что в ислам нужно вернуться немедленно, любой ценой, не считаясь с потерями и не брезгуя никакими методами, в том числе самыми жестокими. Другие считают, что не надо торопиться, а действовать следует мягче, дожидаясь, когда общество само постепенно осознает, что единственным выходом из общего кризиса является переход на «исламский путь развития».

ЧЕМ СИЛЕН ИСЛАМИЗМ

Как идеологический концепт и практическое действие исламизм является реакцией на экономические и политические неуспехи мусульманского мира, провал национальных и имитационных моделей развития, несостоятельность правящих элит. Исламисты опираются на заложенные в исламе конструкты и нормативы, утверждая единственно верную «исламскую альтернативу». Это именно *религиозно-поли-*

ОБ АВТОРЕ

Алексей Малашенко — председатель программы «Религия, общество и безопасность» Московского Центра Карнеги.

тическое движение. Залогом его правоты и успеха считается божественное предопределение, а также то, что в мусульманском сообществе ислам воспринимается как самая совершенная, «конечная религия».

Исламизм — это не подлежащий обязательному уничтожению «монстр»¹, но естественный для мусульманского мира сложносоставной феномен, имеющий глубокие историко-культурные корни и современные причины. Без учета указанных обстоятельств невозможно грамотно выстраивать политику в мусульманском мире, также как невозможно рассчитывать на победу в борьбе против религиозно-политического экстремизма.

Исламизм не привносится извне. Конечно, «Талибан» формировался при помощи разведки Пакистана, Израиль сам приложил руку к сотворению ХАМАСа, рассчитывая, что его можно будет использовать против Палестинского движения сопротивления Ясира Арафата, а «аль-Каида» складывалась при поддержке западных спецслужб. Однако благодатная почва для исламистских группировок образовывалась десятилетиями, задолго до прихода внешних «инженеров». Аналоги «аль-Каиды», талибов, прочих «джихадов» в конечном счете родились бы сами по себе, с другими структурами и под другими именами, также как в хаосе хронического кризиса на Ближнем Востоке неизбежным стало явление «Исламского государства». Ричард Янг описывает ситуацию на Ближнем Востоке как «мириады уровней поляризации внутри обществ»². Однако в этом «космосе» ярче всего засверкали исламистские звезды.

Также бесполезно пытаться установить над исламистами тотальный контроль. Да, ими можно манипулировать, но только в ограниченных масштабах, ибо в конце концов, будучи крайне неуступчивыми, заикленными на своем миропонимании, они будут исходить из собственных интересов. В таком контексте и следует воспринимать компромиссы между исламистами и США, европейскими странами и Россией.

Внутри исламизм дифференцирован. В нем — при упрощенном подходе — различимы три направления.

Первое — умеренные исламисты, которые проводят политику сравнительно мягко, делают упор на культурную и образовательную сферы, на исламизацию семейной жизни. Они действуют в рамках конституции своих государств. Умеренные исламисты поддерживают диалог с Западом, не отторгают с порога все его ценности, используют в своей деятельности демократические институты. В качестве примера можно привести хотя бы исламистов Турции, Туниса, Таджикистана... (сами умеренные исламисты себя таковыми не называют, а представляются исламскими реформаторами, что до известной степени справедливо).

Второе направление представлено радикалами, которые настроены более решительно. Они хотели бы видеть ислам в качестве основы для широкой «исламской перестройки». Как и умеренные, радикалы успешно используют в своих интересах демократию, участвуют и даже побеждают на выборах. Действуют они не только в конституционных рамках, используя и уличный протест, который в традиционном и полутрадиционном обществе играет роль, сопоставимую с парламентскими и президентскими выборами.

Третье, экстремистское направление ориентировано на бескомпромиссную, в том числе вооруженную борьбу. Исламистский экстремизм тождествен терроризму, подтверждение чего мы видим едва ли не ежедневно по всему земному шару. Экстремисты стремятся к достижению поставленных целей здесь и сейчас. Они не связаны ни моральными, ни политическими обязательства перед кем бы то ни было. Отсюда их жестокость. В их представлении за свои действия они несут ответственность только перед Богом, именем которого оправдывают любые самые кровавые поступки. «Глобальный индекс» терроризма по данным австралийско-американо-британского Института экономики и мира за 2104 г. вырос на 44%. Более 80% жертв терактов пришлось на Афганистан, Ирак, Нигерию, Пакистан и Сирию. Однако в Ираке, Сирии и Афганистане идет гражданская война, которой в принципе свойственна крайняя степень насилия, в том числе против мирного населения. Поэтому жертвы в ходе ее могут рассматриваться как результат терактов, но также и как военные потери.

Все три направления в ислаимизме соприкасаются. Между президентом Турции Реджепом Эрдоганом и главой «аль-Каиды» Усамой бен Ладеном «дистанция огромного размера», однако парадигма ислаимизма широка, и оба так или иначе вписываются в нее.

Не каждый умеренный исламист непременно обратится в экстремиста. Экстремистами становятся не сразу. И все-таки нельзя игнорировать непрекращающийся переход части исламистов, в основном молодых людей, на более радикальные позиции. В России это хорошо известно по Северному Кавказу, где подросло третье поколение боевиков (совершившему 5 октября 2014 г. теракт в Грозном Опти Мударову было 19 лет). Молодежи свойственна героизация боевиков-джихадистов, одолеть которых оказывается не под силу даже созданной Америкой военной коалиции, не говоря уже о национальных спецслужбах многих государств включая Россию.

Что из всего этого следует? Только то, что военная победа над исламистской экстремой, сегодня ярче всего воплощенной в ИГ, окажется временной и обеспечит лишь паузу, не обязательно длительную, перед дальнейшим противостоянием как внутри мусульманской уммы, так и между ислаимизмом и немусульманской ойкуменой — Западом, Россией, Китаем, Индией, некоторыми государствами Африки. Последнее утверждение возвращает нас к вопросу о «столкновении цивилизаций»³. Существование напряженности в отношениях между исламом и другими цивилизационными ареалами, прежде всего евро-христианским, еще долго будет оставаться на повестке дня. Причем в данном случае ислам выступает не как «просто» религия, но, шире, как социокультурная, объединенная общей историей и традицией общность, наконец, как цивилизация, сегментом которой и является ислаимизм. Цивилизации если и не сталкиваются, то жестко «трутся» друг о друга, и наиболее опасно это там, где от имени ислама выступает ислаимизм.

Непосредственный противник исламистов — *вестернизированные* мусульманские элиты и поддерживающая их часть общества, в основном средний класс. Против них, являющихся с точки зрения исламистов *мунафиками*-лицемерами, изменившими «истинному исламу», ставленниками Запада,

а ранее, в Афганистане, — Советского Союза, и направлено острие исламистской атаки. Запад в этом контексте как бы вторичен. Удары по нему — 11 сентября 2001 г., нападения на американских военных, теракты в Европе — это прежде всего стремление самоутвердиться. Авторитету исламистов способствует их борьба против иностранного присутствия на мусульманской земле, вмешательства западных стран во внутримусульманские дела, своего рода мусульmano-мусульманскую гражданскую войну.

ЧЕМ ИСЛАМИЗМ СЛАБ

Сегодня уязвимостью экстремального ислаимизма является отсутствие в нем харизматических лидеров, тем более глобального вождя, на статус которого претендовал бен Ладен. Нет харизматиков, сколько-нибудь сопоставимых, например, с аятоллой Хомейни, и на национальном уровне. Без таковых религиозно-политическое движение становится неполноценным. Глава ИГ (халиф) Абу Бакр аль-Багдади на роль мессии не годится, поскольку не обрел достаточного политического и религиозного авторитета. У исламистов нет непререкаемых авторитетов ни в целом на Ближнем Востоке, ни в Северной Африке, ни в Центральной Азии.

Другой слабостью экстремистов ИГ является их жестокость — истребление тех, кто не исповедует ислам, казни неудобных священнослужителей, журналистов, как западных, так и иракских, утверждение рабовладения, применения средневековых шариатских наказаний. Все это ведет к их дискредитации в глазах большинства мусульман, убежденных в том, что ислам — толерантная религия, религия мира. Тем самым экстремисты сужают базу своей поддержки (в 1990—1991 гг. в Алжире они оказались в изоляции от общества и были разгромлены во многом по причине чинившихся ими зверств).

Наконец, исламисты не слишком приспособлены к управлению государством. Упадок радикального и экстремистского ислаимизма начинается с обретением им политической победы, точнее, с приходом к власти. Наступает момент, когда исламистам приходится погружаться в социально-экономическую рутину, проводить реформы, поддерживать стабильность, а заодно утверждать свою легитимность как правящего режима. Делать все это оказывается труднее, чем именем ислама критиковать и протестовать. «Брат-мусульманин»

Мухаммад Мурси, ставший в 2012 г. президентом Египта, с такой задачей не справился. Афганские талибы не сумели вывести страну из тупика. Преодолеть кризис не смогли шиитские исламисты в Иране. Рискну предположить, что поражение ИГ в Ираке начнется с того момента, как его лидеры утвердятся у власти, создав свое квазигосударство. Впрочем, скорее всего, сделать это им не дадут.

Есть, однако, и исключения. Речь идет, естественно, о Турции, в которой последователи умеренного исламизма, утвердившись у власти в 2002 г., добиваются позитивных экономических результатов, остаются союзниками Запада и, пусть осторожно, участвуют в борьбе против экстремистов. Турция, созданная как национальное государство последовательным противником религиозного консерватизма Мустафой Кемалем Ататюрком, оставалась в мусульманском мире «секулярным исключением». Впрочем, ныне правящая Партия справедливости и развития «переформатировала внутреннюю политику Турции» и «переформулировала в соответствии с исламистским видением ее внешнюю политику»⁴. Обращает на себя внимание и опыт Туниса, где с 2011 г. сложилась правящая коалиция с участием умеренной исламистской партии «ан-Нахда», которую сравнивают с турецкой ПСР⁵. Заметим, что на выборах 2014 г. «ан-Нахда» потерпела поражение, однако не стала действовать вне конституционных рамок, и ее светские оппоненты немедленно заявили, что не собираются исключать ее из политического процесса.

Серьезным, можно сказать, главным препятствием на пути исламистов является авторитаризм. И здесь уместно упомянуть рухнувшие под давлением внешних обстоятельств режимы Саддама Хусейна, Муаммара Каддафи, а также прочно держащего в руках власть в Узбекистане Ислама Каримова и пока уцелевшего Башара Асада. Установленные ими диктатуры при всей жесткости и даже жестокости более вменяемы, чем зачастую непредсказуемые в помыслах и поступках религиозные фанатики.

Показательна ситуация с Асадом, сохранившим президентский пост во многом благодаря поддержке Москвы и Тегерана. Для Владимира Путина он оставался последним, единственным оплотом былого советского присут-

ствия, памятью о биполярном мире, когда СССР был равен США. В ходе гражданской войны Асад сумел обрести дополнительную популярность благодаря тому, что оказался способен противостоять экстремистам. Его уход, на котором настаивают члены международной коалиции, может обернуться распадом Сирии и, вне всякого сомнения, усилением позиций ИГ.

Здесь уместно вспомнить обстановку в Афганистане в начале 1990-х годов. После вывода в 1988—1989 гг. советских войск Россия отказалась выступать в качестве преемницы СССР, бросив находившегося у власти в этой стране с 1987 г. президента Мохаммада Наджибулла на произвол судьбы. Но даже лишенный помощи и будучи обречен, режим просуществовал значительное время и был свергнут только в 1992 г. Думается, при внешней помощи Наджибулла мог дольше оставаться у власти, укрепить силы национального примирения, что, возможно, предотвратило бы захват Кабула в 1996 г. талибами. В этом случае развитие событий в Афганистане, да в целом в регионе Большого Ближнего Востока могло оказаться иным. Кстати, казнь талибами Наджибуллы напоминает убийство в 2011 г. ливийского лидера Каддафи. Башар Асад также пытается сколотить некую общенациональную коалицию, альтернатива которой — обострение гражданской войны с перманентным усилением экстремистов.

Стоящие на позициях светского национализма авторитаристы не могут игнорировать исламский фактор. Учитывая общий рост религиозного сознания, они вынуждены апеллировать к исламу для поддержания своей популярности у верующих. Это дает дополнительную легитимность их правлению. Они «идут на перехват» исламских лозунгов у религиозной оппозиции. Для авторитарного правителя вопрос его отношений с исламистами актуален всегда. Как правило, власть ведет против них борьбу, а в некоторых странах (например, в Центральной Азии, в монархиях Персидского залива, в Египте при прежнем президенте Хосни Мубараке и нынешнем Абдель Фаттахе ас-Сиси в Сирии) их партии и движения вообще запрещены. Есть, однако, и иной опыт: короли Марокко находятся с исламистами, в том числе радикальными, в постоянном негласном контакте, и их диалог позволяет избегать эксцессов, характерных для большинства арабских государств. Так или

иначе, но авторитарным правителям приходится соблюдать баланс сил, поскольку одни лишь гонения на исламистов могут давать обратный эффект, способствуя их популярности у населения. Примером может, в частности, служить российский Северный Кавказ, где исламистская оппозиция продолжает заявлять о себе, несмотря на систематические направленные против нее военные акции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Влияние ислама на политику на национальном, региональном уровнях и в глобальном масштабе будет нарастать, что является предпосылкой расширения в том числе геополитического пространства исламизма. Этому способствуют устойчивая нестабильность внутри мусульманского мира, а также его конфликтные отношения с Западом. Следствием мучительно протекающей трансформации системы международных отношений одним из мировых полюсов силы неизбежно оказывается исламизм, и прежде всего его радикальное и экстремистское направления, что можно считать «асимметричным ответом» мусульманской уммы на многополярность.

В крайних формах исламизм будет проявляться спонтанно. Однако предугадать время и место чрезвычайных всплесков его активности, пусть с долей погрешности, все же можно. Они возникают прежде всего в странах и регионах, где продолжаются системные кризисы, а также там, где заметны предкризисные явления. Если посмотреть на карту, то под потенциальной угрозой находится большая часть мусульманского мира за исключением Юго-Восточной Азии (хотя в Индонезии постепенно происходит нарастание протестного потенциала в исламской форме) и западной части Магриба.

Источником напряженности остается «Исламское государство», военный и политический потенциал которого оказался неожиданно высок. Очевидно, через какое-то время члены международной коалиции заявят о военной победе над ним, которая будет заключаться в уничтожении опорных пунктов исламистов, их тяжелой военной техники, а также в установлении формального контроля местных властей над «освобожденными» территориями. Однако собственно военная победа не приведет к политическому решению проблемы. Война против ИГ сеет семена, из которых

вырастают еще более экстремистские группы⁶. Любопытно, что наряду с борьбой против ИГ в Совете Безопасности ООН поднималась тема о его изоляции, что является свидетельством признания возможности его существования на протяжении сравнительно длительного времени (и даже налаживания с ним неформального диалога).

После поражения джихадисты уйдут в подполье, вернутся в страны, откуда приехали на Ближний Восток и где рано или поздно продолжат свою деятельность. Там они займутся пропагандой, вербовкой сторонников, продолжат борьбу в рядах исламистской оппозиции. Также вероятно обострение террористической угрозы, в том числе в странах Европы и США, где они проживали до начала войны. Расходуя накопленную на Ближнем Востоке энергию, они станут мстить членам международной коалиции и тем, кто с ними солидаризировался, включая Россию, которая поставляет оружие иракскому правительству.

ИГ является одновременно субъектом и объектом политики. Его роль в качестве субъекта сомнений не вызывает. Вместе с тем его можно рассматривать и как объект, используемый внешними акторами. В число реальных и потенциальных манипуляторов входят Катар, Турция, а также США. Так, для Катара успех ИГ оборачивается свидетельством его собственной политической значимости, способности влиять на ситуацию в регионе; Турция видит в ИГ инструмент для ослабления курдского движения и средство нажима на сирийский режим; в Соединенных Штатах ИГ воспринимается в качестве орудия давления на Башара Асада, даже его устранения. Общая неприязнь становится своеобразным мостом для налаживания отношений между Вашингтоном и Тегераном.

Для Москвы успех ИГ в дополнение к талибской угрозе может служить еще одним свидетельством в пользу российского присутствия в Центральной Азии, а также усиления Организации Договора о коллективной безопасности.

Как показывает опыт, борьба против ИГ может осуществляться без всеобщего объединения его противников, в первую очередь России. Однако в этом случае нельзя полностью исключать, что у Москвы появится соблазн разыграть

«карту исламизма» в ее конфликте с Западом. Во-первых, она может утверждать, что исламизм является исключительно реакцией исламского мира на экспансию Запада. Такой подход однажды уже обозначился в политике Советского Союза в начале 1980-х годов, после исламской революции в Иране. Тогда, выступая на XXVI съезде КПСС, Леонид Брежнев упомянул, что под знаменем ислама может развертываться освободительная борьба⁷. Официальная российская идеология стремится апеллировать к общему для мусульман и православных стремлению сохранить социокультурные ценности, на которые покушаются внешние силы. В конце концов намерение создать исламское государство типологически вполне сопоставимо со стремлением российского правящего класса вести страну по собственному пути развития.

Что необходимо сделать, чтобы ослабить «Исламское государство», а затем и разгромить его?

- Вести военные действия одновременно на территории Сирии и Ирака, пресекая возможность перемещения отрядов ИГ. В случае проведения наземной операции привлекать воинские подразделения из арабских стран. Уничтожать его формирующуюся инфраструктуру.
- Наносить по экстремистам точечные удары, которые не должны приводить к потерям среди гражданского населения, даже симпатизирующего ИГ, ибо в противном случае популярность ИГ будет только возрастать. В случаях, когда жертв не удастся избежать, приносить публичные извинения и выдавать компенсацию семьям пострадавших.
- Информировать население о всех случаях жестокого обращения боевиков ИГ с местными жителями.
- Заранее отслеживать среди экстремистов потенциальных харизматиков из числа духовных деятелей и политиков, гасить их активность, изолировать и по возможности избавляться от них.
- Использовать противоречия между исламистскими организациями, в частности, между ИГ и группировками «аль-Каиды». Отслеживать перетекание боевиков из «аль-Каиды» в ИГ.
- Жестко пресекать активность в мусульманской среде вернувшихся бывших боевиков ИГ, в первую очередь

их попытки формировать вокруг себя «группы поддержки», а также ведение пропаганды в мусульманских храмах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Мирский Г.* Монстр исламизма // Ведомости. — 2014. — 16 окт.
- 2 *Young R.* From Transformation to Mediation: The Arab Spring Reframed. — [S. l.], Mar. 20, 2014. — (Carnegie Europe Paper).
- 3 В свое время я уже пытался ответить на этот вопрос. См.: *Малашенко А.* И все-таки они сталкиваются / Моск. Центр Карнеги. — М., 2007. — (Брифинг; т. 9, вып. 4).
- 4 *Eligür B.* Turkey's Declining Democracy // Current Trends in Islamic Ideology. — Vol. 17 / Hudson Inst. — [S. l.], Aug. 2014. — P. 151.
- 5 Исламисты победили // http://www.gazeta.ru/politics/2011/10/25_a_3812142.shtml
- 6 *Dorsey J. M.* War against Islamic State: Sowing Seeds of more extremist groups // http://www.huffingtonpost.com/james-dorsey/war-against-islamic-state_b_5907794.html.
- 7 Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. — М., 1981. — С. 18.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Основанный Фондом Карнеги за Международный Мир, Московский Центр Карнеги начал работу в 1994 г. Эта исследовательская организация объединяет ведущих российских экспертов с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги для изучения коренных проблем российской внутренней политики, экономики и международных отношений и является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественной жизни.

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

Основанный в 1910 г., Фонд Карнеги является ведущей негосударственной экспертно-аналитической организацией, специализирующейся на международных отношениях. Это первая действительно глобальная научно-исследовательская организация, имеющая офисы в Вашингтоне, Москве, Пекине, Бейруте и Брюсселе.

© 2014 Carnegie Endowment for International Peace. Все права защищены.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступает с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

@CarnegieRu

facebook.com/CarnegieMoscowRu